

The background of the book cover is a white surface with a fine halftone dot pattern. A large, vibrant red splatter, resembling blood, dominates the upper and lower portions of the cover. In the top left corner, a silver bullet casing is visible, with the words 'RIFLE' and '22' partially legible. In the top right, there is a dark, smudged fingerprint. On the right side, a silver marker lies horizontally. In the bottom right corner, a black marker is positioned vertically. The text is overlaid on a semi-transparent grey rectangular area in the center-left.

Константин ЛЕОНТЬЕВ

ВИЗИТКА

История одной опечатки

18+

Константин Леонтьев

Визитка. История одной опечатки

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Леонтьев К. В.

Визитка. История одной опечатки / К. В. Леонтьев — «ЛитРес: Самиздат», 2006

ISBN 978-5-5321-0833-2

Судьбы трех главных героев: художника Кольки Сыча, бизнесмена Юлия Петровича и бандита Ледея переплетаются из-за одной опечатки в визитной карточке. Роковое стечение обстоятельств, когда стоит вопрос жизни и смерти, сводит их в один из дней вместе.

ISBN 978-5-5321-0833-2

© Леонтьев К. В., 2006
© ЛитРес: Самиздат, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1

Всю ночь шел дождь. Затяжной, неспешный. Капли воды собирались на оконном стекле, дождь смаргивал их быстрыми струйками, мерно постукивал по карнизу, и к утру выплакал-таки сумрак рассвета. Колька Сыч сдвинул штору, потянул оконную раму и, зная, что только первый вдох самый сладостный, медленно, полной грудью набрал надвинувшуюся свежесть, чувствуя, как она расходится по телу.

Темнота отступала на запад, уводила за собой дождевой фронт, и последние сгустки рассеянных туч, как разбитый арьергард, спешили за ней на фоне светлеющей синевы неба.

Свесившись через подоконник Колька попытался найти запевшую в кустах сирени птицу, искал, пока не заболела грудь, не нашел, вернулся к картине, и погасил направленную на мольберт лампу. На сегодня достаточно. Если продолжать, можно напортить.

От выкуренных сигарет мутило. Хотелось выдышать эту муть, съесть горячее, принять ванну, и уснуть, как обычно до вечера в коконе одеяла. Но нельзя! Ночной работе пришел конец, не будет больше дежурств. Пора выходить в дневной свет. Теперь у него новая работа, и в отличие от предыдущей, ее надо посещать ежедневно. Накануне он прошел собеседование в похоронной конторе «Реквием», и убедил, что прекрасно умеет бить на плитах «анкеты». «Помним», «скорбим», имена и даты, сжавшие между собой чью-то жизнь, эпитафии любым шрифтом, все без проблем. Желаете портрет на камне? Да он дипломированный художник! Получите полное фотографическое сходство!

Прошлым летом, отметив свое тридцатилетие, и не имея возможности, подобно Заратустре, уйти в горы от финансовой пропасти, в которую уже не сползал, а падал, Сыч, пребывая в том отчаянном веселье, когда собственные неудачи уже больше смешат, чем печалят, пришел к знакомому патанатому Славе, и спросил, можно ли продать на медицинские изыски свое тело, которое после смерти ни ему, ни тем более немногочисленной дальней родне, колючей и необщительной, будет не нужно. Патанатом, очкастый циник, выслушал, посмеялся и сказал, что такого материала у них и даром хватает, и Колькино тело ровно ничего не стоит. По крайней мере в усопшем виде.

Они выпили по этому поводу чистого медицинского, поговорили о бренности сущего, и Слава, смягчаясь, предложил Сычу вакансию ночного санитаря в городском морге.

– Должность не то что престижная, а козырно-мохнатая! – веско говорил он Сычу, чтобы тот осознал в полной мере всю ценность предложения. – Начнешь с ночного, потом, может, перейдешь в дневную смену, встанешь на выдачу тел допом, и будешь хорошие бабки рубить. Тут шерстяного одного пихали, уже, считай, приняли, а он возьми, да за мордобой присел на пятнадцать суток. Естественно, ждать никто не будет. Соглашайся, только быстро. За такое место уже завтра драка начнется. Но я могу с утра похлопотать, если документы по-быстрому поднесешь.

– А я согласен! – с вызовом вскинул Сыч голову.

– Мертвых не боишься? – спросил Слава, мигая на Кольку через линзы очков. – Все-таки художник. Натура впечатлительная.

– Конечно, не боюсь, – с хмельной смелостью отозвался Сыч, и тогда патанатом, тоже поймавший градус, предложил немедленно ехать в морг на экскурсию.

Все это в тот момент показалось Кольке интересным приключением, отменяющим скучный субботний вечер с уже усевшимся в кресло одиночеством. К тому же спирт заканчивался, а расходится не хотелось.

По дороге они взяли еще водки, и вскоре спускались по сырой бетонной лестнице, идущей рядом с пандусом, в подвал городского морга. Слава, несколько раз позвонил, а потом

(выпитый «на посошок» спирт, стремительно догонял его всю дорогу) нетерпеливо бухнул в железную дверь ногой.

Их впустили. Уважительно-приветственные волны прошли с левого бока. Сыч отметил пожилого дядьку, изысканного искреннюю радость их появлению.

– Готовь закуску, – патанатом сунул дядьке купленную по пути водку, тот крутанулся, мелькнул хлястиком халата с гнутыми от частых стирок пуговицами, и скрылся. Слава же повел Сыча по коридору, мимо пустой каталки, мимо гудящего распределительного электрощита, к оцинкованным дверям. Открыл их, отошел в сторону, кривляющимся жестом приглашая Кольку войти первым.

Сыч послушно шагнул в пахнущую холодом темноту, и тут же заморгали, вспыхивая одна за другой лампы дневного света. В этом нарастающем мерцании, становясь, все отчетливей и реальней, начали проступать тела людей, лежащих вповалку на столах, на стеллажах, и первой мыслью Кольки было, что сейчас раздадутся их голоса, недовольные пробуждением от яркого света. Но вторжение осталось не замеченным, и к Сычу пришло осознание, что эти люди мертвы. Даже подумалось, что всех их здесь же и умертвили! Удушили каким-нибудь газом и приготовили к сожжению. Невольно он даже поискал глазами по стенам печные двери, как на старых фотографиях в нацистских концлагерях. Потом, понуждаемый легким толчком в спину, двинулся дальше.

Слава с видом хозяина, показывающего свои владения, зашел вперед, глянул на Сыча, но, не увидев ожидаемой реакции, поэтому с некоторым разочарованием снял очки, краем рубашки протер стекла, и снова продолжил что-то пояснять, куда-то показывать.

Колька его не слушал. С той осторожностью, с которой идешь мимо спящих, боясь разбудить, он покорно шел за патанатомом, смотрел на его спину, и боялся отвести глаза, видя боковым зрением, таящийся рядом кошмар. Потом споткнулся о железный бак, остановился, и понял, что тот до краев наполнен человеческими внутренностями.

– Студенты, видимо, накромяли, – коротко пояснил патанатом. – Практика. Все в крематорий пойдет.

Вот тут-то Сыч и почувствовал себя плохо. Настолько, что трудно стало дышать и стоять. Сесть же было некуда. Он отошел к стене, навалился спиной на холодный кафель, чувствуя рядом хищное веселое удовлетворение.

«Что я тут делаю?» – горько подумал в ту минуту Колька, оглядывая помещение морга. Все было тихо. Гудели длинные матовые лампы; одна, почерневшая с концов, страдала тиком, готовясь окончательно перегореть. Покойники лежали смиренно, равнодушные и к собственной судьбе, и к бедному, готовому упасть в обморок художнику.

* * *

Пять лет назад, после смерти Кати, все у Сыча пошло кувырком. Годы эти, как дурной сон, ничем, кроме не проходящего чувства безысходности и серости, не запомнились. Что делать Сыч не знал. Писать и зарабатывать своим искусством он не мог, да и не хотел; найти нормальную работу не получалось, а в личной жизни зияла такая пустота, такой черный вакуум, что ни одно живое существо там не могло выжить.

Неудачи без перерыва шупали Сыча на прочность и без труда продавливали. Колька уходил от них, как мог, пытался развернуть судьбу с откоса, но нигде не получалось удержаться, приспособиться, обрести хоть малый смысл дальнейшего существования. Самый разгон девяностых! Время клякстых и дерзких, время воров, время всеобщего озноба в темноте на бездорожье, и он – идеалист-сопляк с перебитой верой и потерянной мечтой!

Приподнявшийся одноклассник взял его экспедитором, гонять на фуре в Москву за товаром, и во время очередного рейса в придорожном кафе трое в норковых кепках, сидевшие в

позе лягушек у входа, переглянулись, когда Сыч прошел мимо, и подрезали у него сумку с деньгами. Сумма была немаленькая. Одноклассник выставил счет, пригрозил бандитами. Колька, обмирая со страху, каждый день тогда ждал расправы, скрывался, где мог, мысленно прощался с квартирой, но потихоньку дело замялось. Видимо у одноклассника не хватило решимости привести в действие страшные угрозы, и он отстал, прокляв и Кольку, и свою мягкотелость, и не обнищал, а купил третью фуру.

Сыч же кочевал с работы на работу, шарахался из стороны в сторону, как испуганная лошадь. Иногда халтурил, расписывая коммерческие киоски, с ним рассчитывались сигаретами, сомнительной водкой, и тогда он с самоуничижительным злорадством над самим собой напивался до потемнения. Мысль вернуться к живописи, казалась в тот период несносной. Более того, Сыч всеми способами избегал всех и всего, что хоть как-то касалось этой темы! От собственного архива и работ он давно избавился, и старательно оберегал этот сидящий где-то в области груди больной воспаленный нерв, который всякий раз начинал биться и болеть, когда тема все-таки прокрадывалась, выскакивая то с газетной полосы, то с экрана телевизора, то с лотка уличного художника, торгующего масляными облаками и закатами.

Лишь одна картина – работа жены, ее автопортрет в образе Гамаюна, единственное, что сохранилось в память о Кате, не считая нескольких чудом выживших фотографий (прочие в минуту злого затмения он сжег еще при ее жизни), продолжала храниться у Сыча на антресолях. Время от времени Колька доставал картину, разглядывал, не слезая со стула, и аккуратно завернул в льняное полотенце, возвращал на место.

Жили они в квартире Катиной бабушки, благополучно скончавшейся вскоре после их веселой босятской свадьбы. Однокомнатное семейное гнездышко, до невообразимости захламленное книгами, пирамидами старых журналов, и пыльными картинами, казалось раем, несмотря на то, что ремонта там не было, пожалуй, со времен бабушкиной молодости. Первоначальный запал Сыча начать его, и как-то все обустроить, постепенно утих. Кате это было не нужно. Худенькая, всегда чуть истеричная от переизбытка страсти, она существовала в собственном, вполне благополучно устроенном параллельном мире Высокого Искусства и Предназначения, довольствуясь общением с миром реальным в основном добычей физиологических удовольствий. И первое время Кольку это вполне устраивало.

Она писала птиц. Одних птиц. Все больше сказочных, фантастических, и сама жила, как птичка божья. Просыпаясь, долго нежилась, капризничала, если Сыч находился дома, и он, зная, что должно последовать за этими капризами, томясь от нежности и желания, кормил жену завтраком прямо в постели. Он весь тогда находился во власти ее поцелуев и ласки, и плевать ему было, что беспорядок, что посуда с вечера ночует на столе, среди невытравляемых, деловитых тараканов, что не сходи он в магазин – холодильник до окончания мира будет морозить в своей пустой утробе каменно-засохший сырок, что сушая мука найти утром пару чистых, не драных носок!

Днем Катя работала, усугубляя и без того страшный беспорядок, а вечерами к ним приходили гости. В основном бесчисленные Катины знакомые, которых она заводила с ужасающей легкостью и быстротой, и которых Сыч давно бросил классифицировать. Присутствовала среди этих гостей и ненавистная Кольке порода людей – хамоватых, неопрятных, с постоянным налетом усталости от жизни, ничего, кроме ядовитых выделений, не создающих. Но ему доставляло удовольствие, что Катя, поначалу приняв немощь за талант, быстро соглашалась с ним, когда он, чуть погодя, давал едкие характеристики и комментарии. Пожалуй, Колька терпел этих людей, только ради того, чтобы после безжалостно перемолоть их кости под одобрительный смех Кати. Сам Сыч чувствовал в ту пору злой упругий напор, жажду творить, идти вперед, уверенность, что еще немного, и какой-то рубеж, после которого все станет просто и ясно, будет взят, и откроется новая сияющая перспектива.

Эти вечеринки, с одной стороны утомляли и отвлекали, а с другой подпитывали уверенность в собственном правильном пути. И он присутствовал, малоразговорчивый, улыбающийся, ухаживающий за гостями, наблюдающий, любующийся женой, и держал у самого сердца, никому не раскрывая, чистый бриллиант собственных надежд.

Пили, как правило, дешевый портвейн, говорили об искусстве, скатываясь, всякий раз по закону синусоиды на более приземленные темы анекдотов и смешных житейских историй. Иногда, отдавая дань глупой моде, курили марихуану. Все это вертелось по орбите, центром которой была Катя. Желая доставить ей удовольствие, и зная, как это сделать, кто-то всякий раз начинал восхищаться ее работами, зачастую, по-мнению Сыча, перебарщивая в пьяном рвении. Катя плыла от похвалы и вина счастливым румянцем, смеялась, но когда все расходилось, вдруг начинала рыдать на Колькиной груди, сетуя, что все они врут, что она бездарна, жизнь у нее пустая, и Сыч скоро ее разлюбит! Колька утешал жену, баюкал в объятиях, находил, чтобы поцеловать потекшие тушью глаза, но в какой-то момент мелькнула у него холодная раздражительная мысль, что, может, так оно и есть. Надо Кате успокоиться, заняться домом, семьей, подумать о ребенке, в конце концов, и забыть своих жар-птиц.

А потом, – как гром среди ясного неба, – Сыч, всегда гордящийся, что никакая женщина, кроме жены, ему теперь не нужна, обнаружил у себя признаки гадкой болезни. Анализы все подтвердили. Он ехал домой с мыслями расправы, проговаривая про себя допрос с пристрастием, но Катя не стала запираться, и призналась легко и просто, что да, у нее был другой мужчина.

Этот день крушения мира запомнился Сычу на всю жизнь. Но не стройной, хронологичной картиной, а кусками, которые потемневший от безумия мозг удержал в памяти. Ясно запечатлелась в ней тяжелая бронзовая пепельница в виде пузатой ладьи, и следом лучистая дыра в кинескопе их старенького телевизора. Запомнился стул, бросающийся на стену, чтобы разлететься, треск раздираемой Кагиной картины, почти готовой, и красный пунктир крови на полу с рассеченной руки, которой Сыч пытался добыть запершуюся на кухне жену через толстое рифленое стекло. Катя тоже запомнилась. Бледным пятном лица, мелькающим то там, то тут; визгом, и один раз – острыми коготками на шее и щеках, когда Сыч рвал ее очередную птаху. Потом был черный провал, зуммер в темноте, и следующий эпизод – они сидят посреди разгромленной квартиры, обнимаются и рыдают.

Сыч никогда не был ревнивцем, но порой, еще в священное безоблачное время думал, что будет, если эта женщина, ЕГО женщина изменит ему? Это было настолько невозможно, что, казалось, жизнь тут же закончится. И вот случилось! Да еще вкупе с мерзкой болезнью! Теперь, обнимая жену, Сыч любил ее и ненавидел, ненавидел и любил! Хотел уйти и все же не смог, не ушел, начал перемогать эту ненависть, липкую тяжелую. Да только как раньше уже не стало, да и не могло уже стать.

Естественно, чуть погодя, был учинен более обстоятельный и спокойный допрос, но Катя категорически, вплоть до нового скандала, отказалась назвать имя сволочи.

– Зачем тебе это? Все равно ты ему ничего не сможешь сделать! – сказала она Кольке. Сыч обиженно надулся.

– Еще как сделаю! До конца жизни будет ходить и спотыкаться!

– Нет, любимый! Забудь про это. Олень не ест волка!

– Что-оо? – выпучил глаза Колька. – Это я, получается, у тебя олень?

– Нет-нет! – испуганно начала извиняться Катя. – Я имела в виду, что вы совершенно разные!

Чуть позже Сыч, руководствуясь личной неприязнью, наметил себе в жертву некоего Олежека, плотоядный взгляд которого на жену неоднократно перехватывал, и решил действовать. Зная, что все недоказуемо и глупо, путем многоходовых хитрых расспросов узнал его адрес и дождался во дворе. В итоге произошла тупая, сопящая потасовка, в ходе которой Сыч потерпел

унизительное поражение. Но куда обидней разбитого носа была реакция жены, когда та узнала о «битве при детских качелях». Катя весь вечер кричала, коря Сыча за «идиотский поступок». Изображала оскорбление, но то было торжествующее оскорбление, радостная обида, снимающая с нее чувство вины.

Они стали быстро отдаляться друг от друга. И хотя Сыч продолжал любить жену, теперь эта любовь, помноженная на бешеную ревность, вызывала только боль и ощущение, что все катится к чертям!

Конечно, вечеринки, как по сговору прекратились, а если и случались, то проходили с налетом недомолвок и совиной скуки. Разумеется, все всё знали. Обычно же вечерами Сыч сидел в кресле, в атмосфере наэлектризованного молчания, курил и рассматривал лампы и схемы ослепленного, стыдливо развернутого к стене телевизора. Катя ходила, гремела на кухне чайником, задавала отрывистые вопросы, типа «кофе будешь?», а потом вдруг подрывалась, начинала краситься, и уходила «к подруге».

Эта безликакая, неизвестная «подруга» иногда резким автомобильным сигналом гукала с улицы, или другими гудками, быстрыми и короткими уползала с линии, когда Сыч брал телефонную трубку, и страшно было подступиться к раскрытию нового заговора, и невозможно трудно было продолжать делать вид, что ничего не замечаешь. Потому что теперь Сыч все замечал, удивляясь своей прежней слепоте.

Он кричал в пустой телефон угрозы, или, как пес срывался с места, чтобы застигнуть неизвестные машины, но всякий раз, добычей становилась пустота, или след оказывался ложным. Казалось, с ним играют в кошки-мышки, забавляются этим! Сыч начал ненавидеть все въезжающие во двор машины, всех их владельцев, видя в каждом врага.

А когда становилось совсем невыносимо, с визгливой истеричной ноты начинался очередной скандал. Иногда Сыч унижался, чуть ли не на коленях вымаливая, чтобы все стало, как раньше, но чаще его просто прорывало, особенно когда Катя, вернувшись за полночь, пахнув спиртным и чужим одеколоном, начинала притворно ласкаться и лгать. Снова летела мебель, падала красная пелена, а соседи били по батареям, аккомпанируя их обоюдным воплем.

– Как ты смеешь ревновать меня! – кричала Катя. – Мое тело и душа принадлежат только мне, а сама я никому не принадлежу, даже тебе! И вообще, это не измена! Разве убывает огонь свечи, когда от нее зажигают еще одну? Если сам хочешь спать с кем-нибудь – спи! Слова не скажу! Но знай, я люблю только тебя! Тебе мало этого?

– А тебе мало, – орал Сыч, хватая жену за плечи, – Что мы от твоих «свечей» уже триппер лечили? Что ты делаешь со мной?!

– Откуда мне знать? Может, это ты заразу в дом несешь! – топала ногами Катя, и запиралась в ванной учинять над собой смертоубийство. Она дважды пыталась резать вены, напибалась снотворного, дверь в санузел постоянно находилась в вышибленном состоянии, и неизвестно, на что рассчитывала Катя, пытаясь спрятаться за этой хлипкой фанерой со щеколдой, у которой шурупы, однажды вырванные с древесным мясом, можно было вынуть пальцами.

Сейчас, спустя пять лет, когда все разрешилось и кончилось, и осталась только картина, небольшая, с газетный лист, все это, как ни странно, вспоминалось, как время живое. Даже скандалы. С грустью, жалостью, с чувством вины, но живое! И чем дальше по времени отдалялась от него Катя, тем у Сыча сильнее крепилась уверенность, что они могли бы пережить это, переболели бы, как корью, и забыли.

Все рухнуло в момент, когда в параллельный Катин мир пробрался неизвестный гаденыш и протаскил с собой шприц с героином. Вот тогда и начался настоящий кошмар! Правда, недолгий. Катя сгорела с какой-то сверхъестественной быстротой. В день, когда Сыч собирал вещи, чтобы уйти, он запомнил ее синюшно-бледную, в изнеможении подпирающую дверной косяк, с отвратительной сыпью на лице и лодыжках – следствие укола с грязным зельем – плаксивым

протяжным голосом просящую оставить хоть немного денег на дозу. То, что он уходил, ее уже не волновало, как и все прочее, включая разоренную сказочную страну осиротевших птиц.

Она умерла в ванной, той самой, где играла с лезвием бритвы, сильно испугав очередного дружка по кайфу, который пытался привести ее в чувство. Их много было после ухода Сыча этих дружков в тот последний месяц. Они сменили рассосавшуюся богему, вытеснив ее со скоростью саранчи. Жили у Кати иной раз по несколько человек, готовили сообща дурь, и загасили-таки этот пресловутый огонь свечи. А Сыч, переехавший к матери, узнав печальную новость о смерти жены, не пришел даже на похороны. Зол он был тогда на Катю, как черт. Винил во всех своих неудачах, и считал, что подделом: заслужила, и хорошо, что так быстро.

Но так страшно было стоять сейчас в морге посреди этой человеческой поленницы, и думать, что когда-то и она лежала здесь же, никому не нужная, забытая, востребованная лишь одной матерью, тихой, интеллигентной, навсегда перебитой горем. В ясный солнечный день окрепшей весны, когда небо залито синевой, и само понятие смерть кажется выдуманным, она пришла к Сычу сказать, что Кати больше нет. И извиняясь, и принимая вину на себя, и перемогая стыд, попросила помощи в похоронах. Но Сыч – сердце в броне, душа в дерьме – отказал!

* * *

– Пойдем, выпьем, – сказал патанатом. – Как впечатления? Согласен работать?

– Платят сколько? – спросил Сыч, совершенно не интересуясь ответом на вопрос.

– Четыреста. Задерживают редко. Пошли, выпьем, а то я уже замерзать начал, – зябко потер себе плечи Слава. – Петрович тебе сейчас всю кухню более подробно объяснит.

И эта «кухня», с запахом формальдегида и мясной лавки, приняла нового работника. Сыч вскоре привык, и уже не испытывал тех эмоций, что пробрили его в первое посещение. Ночь через две, в праздничные и выходные дни – сутки; он принимал, таскал, сортировал вместе с Петровичем тела, выпивал пару мензурок чистого огненного спирта, и спал на кушетке в подсобке, в то время как, страдающий бессонницей Петрович смотрел перемещение неясных теней на экране маленького телевизора.

Дома Сыч валялся на диване, перечитывая без интереса книги, или убивал время, гуляя в парке. Возвращаясь, снова ложился на диван, который был уже чем-то вроде надувного матраца, тихо и плавно скользящего по течению.

Некоторое разнообразие, единственно приемлемую отдушину, связывающую к тому же с прошлой жизнью, Сыч находил лишь у Валеры Тюрина, дружка закадычного, бывшего собрата по цеху. Тюрин принимал Сыча всегда охотно, еще охотнее с ним выпивал. Всякий раз начинал сетовать, что Колька уже так долго «не в теме». После подъема градуса обещал какую-то помощь и поддержку, но на следующий день все забывал, потому что в пьяном состоянии сильно переоценивал собственные возможности, а в трезвом говорил общим знакомым, что, да, Колька Сыч – друг, но как художник уже кончился. Опять же, «не в теме», не работает, а тут и более талантливые ребята пашут, но пробиться не могут.

Обитал Тюрин все в той же подвальной мастерской, где они некогда с таким азартом готовились к первой областной выставке современной живописи, и очень переживал, гораздо сильнее, чем, скажем, «за талантливых ребят», что этот подвал какая-нибудь чиновничья морда отберет у городского отдела культуры, и отдаст под очередной бутик, или игровой зал. Эту мысль Валера любил развивать, и со временем сам себе уже начал казаться солдатом, бьющимся на передовом рубеже за очаг искусства. Пустых бутылок в воскресенье по утрам, между прочим, из этого очага по-прежнему выносилось приличное количество.

Иногда, возвращаясь от Тюрина пьяным, Сыч попадал в ностальгически-приподнятое настроение и вспоминал прошлое. Причем, воспоминания были хорошие, а порой даже тихо,

как на цыпочках, прокрадывалось нечто волнующее. Предчувствие перемен. И это пока не вдохновение, а скорее обещание вдохновения было приятно. Жить еще не поздно. Бесплодные годы, отравленные мутью неудач, надо просто вырезать, как опухоль, изгнать из памяти, забыть, как случайное постыдство. С подобными мыслями Сыч засыпал, чтобы следующее утро встретить с тяжелой головой, вялостью и апатией. Он готовил себе кофе, с отвращением давился дымом первой сигареты, и уже ничего не хотел, кроме как снова уснуть, и не просыпаться до вечера, до самой работы.

Глава 2

Минуло бабье лето, и ясную теплую осень стали вытеснять долгие, холодные дожди. Таким вот промозглым вечером во двор морга вкатился уазик «спецмедперевозки» с циничной наклейкой «стиморолл» по капоте.

– Мужики, носы затыкайте! – крикнул молодой водитель, распахивая оцинкованные двери фургона, и ныряя быстрее в сторону. – Принимайте подарочек! Трое суток болтался вместо люстры.

Пахнуло действительно сильно. Сыч, считавший себя уже профессионалом, почувствовал, как подпрыгнул желудок и сжал челюсти.

Они перенесли тело в холодильник. Пока раздевали, желудок Сыча, благо, что пустой, снова начал конвульсивно дергаться, так что Петрович с некоторой тревогой глядя на Кольку, посоветовал тому выйти на улицу, покурить. Но Сыч остался, сам заполнил, сверяясь с бумагами, бирку, которую укрепил на большом пальце правой ноги самоубийцы, и только потом вышел прочь. Долго стоял, опершись рукой о стену, часто дыша, как после долгой пробежки. Когда вернулся, Петрович услужливо протянул мензурку со спиртом, но Сыч замотал головой, отвел мензурку рукой и посмотрел на Петровича, как тот позже выразиться «долбанутым взглядом».

В течение нескольких месяцев работы Сыч уже не единожды видел самоубийц, и научился не жалеть их, и не задаваться вопросами «зачем» и «почему»? Но сейчас что-то произошло, что-то возникло рядом с тошнотой и неприязнью, и потому спирт был отвергнут, как ненужное средство, способное уничтожить, вспугнуть ощущение, в котором Колке хотелось разобраться.

К изумлению Петровича, Сыч снова вошел в холодильный зал и остановился над самоубийцей. Худое пропитое лицо и после смерти выражало невыносимую муку, причины которой, так и не найдя исхода, навечно остались в голове бедняги.

Сыч почувствовал, как по-особенному стукнуло сердце, и машинально чуть сжались пальцы, ища невидимый карандаш. Тут же мысль второго плана нашла этот карандаш, и не один, а целую россыпь, лежащую в столе. Тупые, разнокалиберные огрызки всегда вызывали у Кольки брезгливость, когда ящик выдвигали, и они перекатывались там, как стреляные гильзы. Теперь Сычу надлежало найти среди них парочку пригодных для работы, и с помощью скальпеля привести в боевой отточенный вид.

Первый набросок не получился сразу. Начав, Сыч понял, что не то, и, чертыхаясь от нетерпения, скомкал, уминая кулаком в кармане халата. Но уже вторая попытка превзошла все ожидания. Он работал не менее часа, не обращая внимания на холод, машинально поднося пальцы ко рту, чтобы согреть дыханием. Несколько раз к нему заглядывал озадаченный Петрович, наблюдал, но, слава богу, молча, без вопросов!

Закончив, Сыч аккуратно сложил набросок, и с бьющимся сердцем вернулся в подсобку, где в странном нереальном мире кипел чайник, а на расстеленной газете в компании вареных, уже чищенных яиц и россыпи зеленого лука, лежала крупно нарезанная влажная докторская колбаса.

Пока любопытство Петровича подбирало слова для расспросов, Колька понял, что он «в теме».

* * *

Больше Сыч на набросок не смотрел. Утром он приехал домой, не чувствуя желания лечь спать после ночи, и, тихо волнуясь, оттягивая момент, долго мыл руки, не спеша заваривал кофе, курил сигарету. Потом просто подошел, развернул лист на столе, разгладил, и снова увидел это лицо.

Это было мертвое лицо, но одновременно и живое, продолжающее страдать. Оно приковывало к себе взгляд, гипнотизировало, вынимало душу своей неразрешимой болью. Оно не просило сострадания, и не вызывало его. Скорее необъяснимую тоску, течение путаных грустных мыслей, вроде тех, что возникают, когда едешь мимо аварии и видишь, как черный тормозной след догоняет развернутый автомобиль, а чуть поодаль накрыто тело, возле которого топчется милиционер и подносит ко рту рацию.

Тема не просто пришла к нему по мягким тропам раздумья, ожидаемая и желанная, а подкралась исподволь, бросилась на плечи, как хищник, подминая и подчиняя.

В художественном салоне Сыча неприятно удивили взлетевшие цены на хорошие краски и кисти. Денег не хватало, и нужно было возвращаться домой. Сыч не пошел, а побежал, боясь, что чудесное наваждение расцепит свои лапы, перестанет клубиться калейдоскоп образов.

Он начал писать, не чувствуя ни времени, ни усталости, ни голода. Ночные дежурства в морге превратились в своего рода охоту, чаще всего пустую, изредка удачную, и тогда Колька тащил домой трофеи, над которыми немедленно начинал работу. Порой таких работ параллельно шло сразу несколько. Сыч без всякой видимой причины оставлял одну, иной раз почти завершённую, и принимался за другую. Сон иногда прихватывал его то в кресле, то на диване, но удержать более трех-четырёх часов был не в силах, потому что, заснув, Сыч продолжал творить, и случалось сновидения и явь путались, и он вскакивал, чтобы отыскать в реальности, удачно дописанные сном детали.

На работе Сыч вел себя так, что невозмутимый, хладнокровный Петрович неожиданно для начальства попросил себе нового напарника, мотивируя просьбу своим нежеланием работать в одну смену с сумасшедшим.

– Он все время с мертвяками торчит! – жаловался Петрович. – На вопросы не отвечает, разве только когда тормозить начнешь. Как покойника нового привезут – первый пулей летит! Как ни загляну – рисует. Или по коридору круги нарезает. Псих! Боязно уже с ним, и не по себе. Раньше нормальным был, разговаривали, в картишки играли, теперь, как подменили! Короче, ищите мне другого напарника!

Патанатом Слава, по протекции которого Сыча взяли на работу, попытался вызвать Кольку на откровенный разговор, и тот, нехотя, в общих чертах, зная, что объясниться надо, рассказал, чем занимается. И даже показал кое-что, когда патанатом, вспыхнув любопытством, пришел к нему домой и испортил всю субботу своим навязчивым желанием поговорить под водочку.

Впрочем, Сыч это пережил, и даже получил некоторый свежий стимул – патанатом после увиденного сильно зауважал его, рассыпался в комплиментах, а после долго еще надоедал предложениями и идеями, вспоминая бесчисленные случаи собственной практики. Зато Петровичу было велено затихнуть и не лезть, куда не звали, что тот и сделал, вернувшись к телевизору, старым журналам и мензуркам со спиртом.

К середине весны Сыч понял, что истощается. В прямом и переносном смысле. Последняя картина писалась с трудом, отчаянными толчками уже почти настоящего безумия. Пора было ставить точку и отдышаться, потому что Сыч сам уже походил на покойника – осунувшийся, похудевший, с впалыми глазами.

Работать в морге он уже не мог, не хотел, и не видел в этом дальнейшего смысла. Тем более совершенно неожиданно нашел другую работу – рядом с моргом, и тоже определенным образом связанную с ним.

Глава 3

Похоронное бюро «Реквием» славилось своим умением выполнить любой каприз заказчика. Изначально оно и создавалось именно для посмертных изысков состоятельной части граждан и очень разбогатело, когда в незабвенном 1993-м началась война за рынки между кавказцами и местной братвой, и когда в 1995-м уже остатки Ледяевской гвардии грызлись между собой и с заезжими бригадами. Тогда «Реквием» изготавливал целыеobelisks павшим братьям, предлагал невиданные по тем временам, безумно дорогие импортные гробы из ценных пород дерева, отливающие лаком, похожие на новенькие лимузины, и венки живых цветов. Один знакомый Сычу скульптор – Витя Богозванный (истинную фамилию он скрывал тщательней, чем стареющая дама возраст), сорвал каким-то образом через этот «Реквием» фантастический заказ – гранитный памятник масштаба 1:1. И ладно бы просто покойного, а то с конем! Цыганский барон, отошедшей в мир иной, должен был, по идее осиротевшей свиты, босым, в рубахе на выпуск, вести под уздцы горячего скакуна, олицетворяя свободолюбивый, независимый нрав своего народа.

Витя подошел к заказу творчески; разработал несколько вариантов, и когда один из них одобрили, принялся за работу, которая до сих пор является одной из главных достопримечательностей старого городского кладбища. От «Реквиема» он тогда получил менее пяти процентов стоимости заказа, но и этой суммы ему, вечно безденежному, хватило, чтобы уйти в многодневный запой, который сожрал весь гонорар и остатки Витиной печени.

Со временем «Реквием» стал работать с более скромными, но зато с многочисленными заказами. Бюро выкупило напротив морга здание студенческой столовой мединститута, обустроило там свой филиал вместе со слесарными и камнерезными мастерскими в подвале.

Сыч зашел туда после смены прицениться к новому памятнику на могилу матери, и стал свидетелем разноса, устроенного прямо в торговом зале управляющим своему сотруднику. По случаю раннего часа еще не было посетителей и управляющий, так же, как и сотрудник, судя по всему, мастер производства, не стеснялись в выражениях.

Суть скандала была сразу ясна: некто Шарагин опять не вышел на работу, и это несмотря на то, что ему уже было третье последнее предупреждение! Шарагину было плевать на это! Он опять сорвался, продолжает пить неизвестно где, и на звонки не отвечает. В итоге два заказа к сроку не выполнены. «И если они не будут готовы к полудню», – орал управляющий, разрастаясь над мастером, – «Я сам выбью на этих плитах ваши имена и закопаю под ними!» Потом они увидели Кольку и замолчали.

А через десять минут Сыч сидел в кабинете и устно выкладывал свое резюме хмурому управляющему, который откинувшись в кресле, раздраженно вертел в пальцах авторучку.

С камнем Колька работал мало. Так, для разнообразия, при случае, ради интереса, но представление имел. Сейчас эти азы он преподносил, как профессионализм, полагаясь на собственную удачу и умение быстро учиться. В принципе ничего сложного в этой работе он для себя не видел, и она нужна была ему позарез. С моргом должно быть покончено. Поэтому Сыч старался всю. Даже не удержался и помянул о личном знакомстве с покойным Богозванным, имя которого управляющему ничего не сказало, хотя коня и барона он вспомнил сразу же – легендарное предание фирмы. На этом коне, Сыч, считай, и выскочил.

– Ладно, – сказал управляющий. – Руку покажешь?

– В любое время.

– Тогда не будем тянуть.

Они спустились на грузовом лифте в камнерезную мастерскую, где двое рабочих уже шлифовали надгробия, а еще один наносил на дешевую бетонную плитку простенький трафарет, (последнее социальное прощай неимущим от городских властей). Потом прошли через

столярку, где сильно пахло сосной, и стояли в разной степени готовности гробы, и в дальнем углу, в пристроенной остекленной конторке нашли давешнего мастера, все еще возбужденно-нервного, рассказывающего с активной жестикуляцией и в лицах что-то молодому парню. Видимо передавал недавний разговор, потому что, увидев начальника, резко стих.

– Так, – сказал управляющий, и ткнул пальцем в молодого. – Ты убежал работать, а ты, Виктор Степанович, – палец переместился в сторону мастера, – выбери что-нибудь из выбракованного материала, и дай человеку инструмент, – палец снова сделал поворот уже на Сыча, и поджался. – Полная свобода творчества, Коля. Оформи, как хочешь, на собственное усмотрение. Покажи шрифт, главное. Образцы, если надо, дадим. Пиши, что пожелаешь, хоть «Спартак-чемпион!». Все, что будет нужно, спрашивай у Степаныча.

Говоря о своей готовности в любое время, Сыч несколько переусердствовал. На самом деле он предпочел бы, чтоб ему назначили «показать руку» хотя бы завтра. Он подготовился, сходил бы к Тюрину, попросил свести со знающим человеком, потренировался. Очень рискованно лететь в бой вот так, без подготовки, после ночного дежурства, но и упускать шанс было нельзя.

Они вернулись в камнерезную мастерскую, где в углу стояли несколько колотых гранитных плит.

– Ну, бери вот эту, – сказал Виктор Степанович. – В принципе ее можно и в дело пустить, здесь скос сделать, тут, подшлифовать. Да ладно, – бери! Потом на доделки пойдет. Будет готово – скажешь. Пескоструйка нужна, или ты все руками?

– Все руками, – ответил Сыч.

Небольшую, полметра на метр плиту перетащили на стол под лампу, развернули перед Сычем, как пулеметную ленту, набор инструментов, и оставили.

Цех оживал, пришли еще рабочие, сделалось шумно. В соседней столярке застучали активнее, завизжали циркулярные пилы. Колька погладил ладонью холодную шероховатую поверхность камня, и покосился на несколько готовых надгробий, составленных у стены. Нет, в этой мастерской явно больше не обслуживают цыганских баронов. Все просто, стандартно и по трафарету. Конечно, можно было взять за образец, то, что есть, но это обозначало бы отсутствие собственного стиля. Надо было срочно что-то придумывать, да так, чтобы не запороть плиту, иначе второго шанса не дадут.

Неожиданно Сычу пришла в голову спасительная мысль. В это дежурство привезли разбившегося на машине мужика, в кармане которого нашли целый ворох одинаковых, свежестопечатанных визиток. Сыч машинально, или по наитию взял одну. Визитка была красивая, на хорошей, плотной бумаге, двуцветная, как и полагается, без попугайства. Черные тисненые буквы, телефоны, должность. Если взять за основу фамилию, имя, отчество, скопировать шрифт, то должно получиться очень хорошо. Визитки явно принадлежали погибшему, иначе зачем таскать с собой такое количество? Привезли его под утро, и оформлением документов занимался Петрович. Сыч только помог перенести тело. Солидный дядя, директор, ничего страшного не случится, если Колька воспользуется его визиткой, чуть подправив фамилию или имя.

Успокоив себя этими мыслями, Сыч начал работать. Дату рождения и смерти пришлось выдумывать, и это неожиданно придало работе пикантный мистический оттенок. Сычу как бы предлагалось решить, когда этот несуществующий человек, взятый, тем не менее, из реальности, снова родиться, возвращенный Колькиным воображением в некую исходную точку, а главное, когда он умрет! С первым Сыч определился сразу же – дату рождения он поставил своего старшего брата, умершего от воспаления легких в десятилетнем возрасте, когда самому Кольке еще и года не было, а смерть явилась, зашифрованная в их с Катей старый телефонный номер. Последние цифры его как раз удачно совпадали с текущим годом. И пока выбивались

эти даты, чужая жизнь, придуманная за работой, прошла мимо и оборвалась в возрасте сорока одного года.

Сыч, довольный результатом, так разогнал себя, что не удержался и влепил уже беглой письменной строкой лихую эпитафию – *«Спи, брат! Мы еще встретимся!»*

Работа его понравилась. Закончил Сыч ее уже ближе к вечеру, и очень удивился, узнав который час, потому что совершенно потерялся во времени. Управляющий, уже уходя домой, только мельком глянул на плиту и сказал, чтобы Сыч писал заявление, и как можно скорее приступал к выполнению настоящих заказов. Виктор Степанович тоже высказал одобрение, только в конце вдруг засмеялся и, указав, на надгробие заметил: «Что ж ты мужика заранее хоронишь? На дворе еще май, а ты ему в июне назначаешь в гости к Богу!»

Только тут Сыч понял, что, желая влести в тему старый телефонный номер, с которым в свое время столько было связано, он совсем упустил из виду очередность месяца. Получалось, что "покойничек" – то живехонек! Убежал прямо с панихиды! Это так позабавило Кольку, уже порядком уставшего от черного гротеска, что всю дорогу домой он то и дело начинал смеяться, представляя своего несуществующего героя, заложившего крутой вираж от смерти, как колобок от зайца. Только, увы, в жизни каждого колобка в конечном итоге поджидает лисица.

А что ждет теперь Сыча? Почти год его рвало темным вдохновением, которое ныне иссякло. Последняя картина дописана. Остальные стоят в шкафу. Дети-уродцы, которых страшно выводить в свет, вдруг не смогут пойти? Но главное одно – с моргом покончено! Камень куда лучше мертвой плоти! Он будет колотить эпитафии и восстанавливаться. Ждать свежее вдохновение, другую тему!

Колька убрал картину, оделся и отправился на свою новую работу. На улице после дождя было тепло и сыро. Май набирал силу. Гриппозная девка Весна, каждый год награждала Сыча заразой, а нынче на удивление все прошло мимо. Даже не чихнул! Колька остановился прикурить, и обратил внимание на бешено кричащих в старых тополях галок. И вспомнил, как давным-давно, еще на первом курсе, писал этих самых галок – черные мазочки на голых ветвях, а Катя, улучив момент, из озорства очень быстро и удачно добавила им в компанию райскую птицу. Сыч тогда возмутился, но преподаватель, когда он сдавал работу, неожиданно одобряюще хмыкнул, и поставил «отлично».

Глава 4

Юлия Петровича разбудили настойчивые монотонные удары в там-там. Невидимое племя дикарей резвилось где-то совсем рядом, может, отмечая удачную охоту, может, собираясь сожрать провинившегося сородича. Неплохо если на десерт они пустили бы еще и жену Валечку! Просто паскудство – два этажа, четыреста квадратов, а с похмелья поболеть не дадут!

Юлий Петрович перекатился по широкой кровати на новое место, туда, где была приятная прохлада шелковой простыни, и спрятал голову между подушек. Удары сделались глуше, почти неслышимы, но, попавший в гипнотический ступор, Юлий Петрович теперь сосредоточился на них, ждал и считал. Потом наступила блаженная пауза, во время которой он почти снова уснул. Но тщетно. Валечка просто выбирала новый диск, и попытка возобновилась.

Собравшись с силами, Юлий Петрович крикнул. Получился стон, который еле доковылял до открытых дверей и там умер. Да и смысл был кричать? Зато на это усилие желудок ответил тошнотворным спазмом. Он повторился, и куда сильнее, когда воображение некстати породило образ стопки до краев полной водкой. Даже запахом ее мерзким пахнуло!

Мысленно желая жене оглохнуть, Юлий Петрович нашел взглядом волосатую кисть, несущее золотое бремя швейцарских часов. Всего-навсего начало девятого! И это утро субботы!

– Тварь, – сказал Юлий Петрович и поднялся, сам удивляясь своей силе воли. Накинув халат, он спустился вниз, в комнату, оборудованную под тренажерный зал. По мере приближения волны музыки становились громче и нестерпимее. Еще из коридора через открытую дверь Юлий Петрович увидел Валечку в спортивном костюме, совершающую иллюзорный велопробег. Музыкальный центр гремел дурниной. Какая-то нескончаемая клубная кислота, под которую Валечка любовалась в зеркала на работу своих длинных сильных ног.

Юлий Петрович поморщился, вздул щеки, придерживая неожиданную отрывку, подошел к центру, преодолевая звуковые волны, и, не утруждаясь поиском нужной кнопки, просто выдернул штепсель из розетки. Сразу сделалась тишина.

– В конце концов, это свинство, – повернулся Юлий Петрович к жене. – Я болею.

– Пить меньше надо, – лаконично ответила Валечка, не прекращая крутить педали. Их взгляды пересеклись в зеркале, губы жены чуть тронула ядовитая усмешка, и она отвела глаза.

– Ну, это не тебе решать, – Юлий Петрович скрестил на груди руки, и с достоинством развернулся на выход. – Кстати, – вспомнил он. – Когда я вчера приехал?

Валечка остановила вращение педалей, убрала со лба прядь волос, и тоном, моментально настроившим Юлию Петровича на желание начать скандал, ответила.

– Ты не приехал. Тебя Миша на себе принес. Часа в четыре утра.

– Да? А где моя машина?

– Там, где оставил! У бани. Бакланов тебя на своей привез. Тоже, кстати, на ногах держался кое-как.

Обеспокоенный Юлий Петрович поспешил к телефону.

– Заодно позвони домработнице! – крикнула вслед Валечка. – Ты там всю прихожую обделал. Лежит до сих пор. Или сам убирай!

– Не смей так разговаривать со мной! – Юлий Петрович вернулся и вплотную подступил к жене. Но Валечка здоровая, сильная, красивая, и уже донельзя избалованная, совершенно не боялась мужа, в какую бы ярость, показную, или настоящую он не впадал.

– Юлик, – отступила она, но без страха, а с выражением брезгливости. – Шел бы ты в ванну...

Позже, стоя под теплым душем, и вяло растирая покатые полные плечи, усыпанные веснушками, Юлий Петрович думал, что не зря в народе говорят – третья жена от черта. Не любит

она его. Раньше, год назад, когда познакомились, хоть вид делала. Да и кто она была раньше? Обезьяна без кармана! Зато теперь гонора, как блох на той же обезьяне! Нет, зря он женился! В сорок лет лучше иметь молодых любовниц, чем молодых жен. С первыми все просто, а вот со вторыми... Уж не снюхалась ли Валечка с кем, пока он здоровье на работе кладет?

Ужаленный, и уже не в первый раз этой мыслью, Юлий Петрович вышел из душа, и начал обтираться тяжелым махровым полотенцем. Да, давно уже исчез тот африканский темперамент, который Валечка демонстрировала до замужества. Сейчас в постели она вялая и капризная, вспыхивает только когда ей что-то особенно нужно. Явно что-то не то.

«Надо будет заняться этим», – решил Юлий Петрович. «Вплоть до того, чтобы нанять человека. Пусть проследит. Может Ледяй поможет. Пришибу, если рога вздумала ставить!»

Завтракали молча. Вегетарианка Валечка ела салат, и дула один из своих фитнес – коктейлей, с легким презрением наблюдая, как муж поедает яичницу с ветчиной. Когда тишина стала совсем уж тягостная, зазвонил телефон.

– Слушаю, – Юлий Петрович снял со стены трубку и вернулся к столу.

– Да, это я, только не Юрий, а Юлий, – ответил он, цепляя вилкой из желтой яичной жижи кусок ветчины. – Да, знаю. А в чем дело?

Он замолчал, слушая трубку. Валечка нарочито зевнула и стала убирать посуду.

– Где он? – севшим голосом спросил Юлий Петрович. – Да, ждите, я сейчас подъеду.

– Куда на сей раз? – с деланным равнодушием спросила Валечка.

– В морг.

– Дурацкая шутка. Ты вообще-то обещал, что мы после обеда сегодня на турбазу поедим. Там конкурс авторской песни будет...

– Мишка Бакланов разбился, – перебил Валечку Юрий Петрович, всем телом оборачиваясь к жене. – Представляешь, после того, как меня привез, и к себе поехал. Насмерть разбился!

* * *

«Жизнь состоит из игры в ситуации и самих ситуаций, которые ничего общего с игрой не имеют», – думал Юлий Петрович, поднимаясь из холодного подвала морга в солнечное майское утро. «Как бы мы не моделировали свое поведение, на эти ситуации, реальность почти всегда застигает нас врасплох, и все происходит совсем не так, как в уютных размышлениях»

Да, смерть, о которой Юлий Петрович так часто и с удовольствием любил рассуждать, смакуя тоску по уходящей молодости и силе (в то же время тайно радуясь еще достаточному наличию того и другого), явилась в это утро без предупреждения. И никаких особых чувств, кроме того, как это буднично и просто может случиться, Юлий Петрович поначалу не испытал. Успел ли, интересно, осознать Мишка в ту долю секунды, когда серая тумба опоры моста летела ему на капот, что это конец?

Следователь, вызвавший его в морг на опознание, не выспавшийся, усталый после ночного дежурства по городу, сообщил, что на Маяковского Мишку попытались остановить гаишники, а тот дал по газам и начал от них уходить. Летел, как сумасшедший, нырнул под мост и не вписался в поворот.

– Никаких родственников мы пока не смогли установить, но нашли у него эти визитки, – сказал следователь. – Решили побеспокоить.

– Правильно, – ответил Юлий Петрович. – Нет у него здесь никакой родни.

Он узнал эти визитки – бракованная партия. В имени допустили опечатку, и Юлий Петрович вернул брак в типографию. Всю жизнь его норовили назвать Юрием, а не Юлием. В детстве он даже представлялся этим именем, стесняясь настоящего, девчачьего, на его взгляд. Только позже, узнав о Цезаре, начал гордиться. Часть этих визиток Мишка зачем-то взял себе. Вечно норовил что-нибудь стащить со стола, когда приходил.

Из морга Юлий Петрович поехал в «Нерон», имея в голове невообразимую кашу и не зная, что делать дальше.

Красивый трехэтажный терем красного кирпича нынче не обрадовал своего хозяина. А только вчера, устраивая помпезное открытие своего третьего по счету торгового центра, Юлий Петрович чувствовал себя почти счастливым человеком. Строительство, длившееся целый год сильно вымотало его. Чиновники, начиная с жирной крысы из городской архитектуры, и заканчивая пираньями из всяких согласовочно-проверяюще-разрешающих комиссий, рвали его на части, но он выплыл, отбился синими конвертами с зелеными деньгами. День в день, копейка в копейку рассчитался с подрядчиками, и, не веря, что все позади, на радостях закатил роскошную презентацию, не пожалев средств.

Были оплаченные местные телевизионщики и газетчики, крученые гирлянды воздушных шаров шли по фасаду, за отдельное «спасибо» пожаловал глава районной администрации помочь перерезать ленточку, ансамбль песни и пляски гремел для всеобщего удовольствия со специального помоста перед входом. Был даже дрессированный медведь, одетый в красную атласную косоворотку. Виляя задом, он бегал по сцене за хозяином, приседал и кружился ради куска сахара.

После официальной части последовала полуофициальная, в ресторане, с нужными людьми, а еще позднее, ближе к полуночи наступила неофициальная часть. Заказав сауну, Юлий Петрович отправился туда со своими школьными друзьями – Мишкой Баклановым и Андреем Ковальчуком. Там-то Юлий Петрович и перебрал лишнего. Сейчас он пытался вспомнить момент, когда последний раз видел Мишку живым. Вот он, зажимая в кулаке, нательный крест, сидит в парилке, вот, двигая худыми лопатками, собирается прыгнуть в бассейн...

Юлий Петрович заперся в своем новом директорском кабинете, и, не в силах противостоять ситуации, достал бутылку водки.

Вчера в это время Мишка был жив, и впереди у него оставалось еще около шестнадцати часов до отчета в минус бесконечность. Какой все-таки магической силой может наливаться в сознании этот невидимый рубеж, после которого, как после последнего росчерка сердцебиения на экране электрокардиографа, идет прямая линия! Если бы только прошедший день можно было вернуть, изменить ход событий!

– Юла, ты куда собрался? – спросил Мишка в бане, когда Юлий Петрович ни с кем не прощаясь, ушел в раздевалку и начал натягивать брюки.

– Домой, – Юлий Петрович тяжело сопел, его качало, он наваливался на дверь кабинки, отталкивался всем плечом, но, теряя равновесие, наваливался снова. – У меня жена дома молодая... Мне еще ей вставить надо...

Бакланов засмеялся, чем очень обидел Юлиа Петровича, не терпящего, особенно в пьяном виде, никаких смешков при упоминании о своей жене.

– Да ты ногу в штанину вставить не можешь, – веселился Мишка. – А все туда же! Трусы, кстати, забыл надеть!

– Куда это туда же? – тотчас ощетинился Юлий Петрович, поднимая на Бакланова злые пьяные глаза. И вот что обидно – не водилось за ним прежде особой агрессии в пьяном виде, ну максимум поспорит, покричит, а тут как перемкнуло! Все это были нервы, заглушенное подсознание проблем, которые водка выдавила вместе со злобой. Устал он от дел, от нервотрепок, от личной неустроенности. Устал улыбаться и изображать, как у него все хорошо. Смотреть на других улыбающихся, и ревниво думать, что у тех действительно все хорошо!

– Кончай дурью маяться, – миролюбиво ответил Мишка. – Сейчас такси вызовем и спокойно разведемся. Машины тут на стоянке оставим до утра.

– Я в состоянии вести машину, как и все прочее делать, – начал куражиться Юлий Петрович.

– А ну-ка, присядь три раза с вытянутыми руками!

Юлий Петрович присел и тотчас же завалился на бок. Подошел Ковальчук, начал помогать Мишке. Вдвоем они подняли Юлия Петровича и одели. Продолжая придерживать с двух сторон, вывели на улицу, где у крыльца уже стояла желтая «пятерка» с шашечками.

– Вы смеетесь? Я на этом отстое не поеду! – неожиданно заартачился Юлий Петрович, и выбился из рук прямо перед раскрытой дверью. Ковальчук попробовал применить силу, и снова подтолкнуть его к машине, и неожиданно разъярившись, Юлий Петрович едва не устроил с ним потасовку. Потом, окончательно на всех разобидевшись, обретя относительную устойчивость, направился своим ходом к автостоянке комплекса. Ковальчук плюнул и уехал на такси один, а Бакланов пошел догонять Юлия Петровича. Он обнаружил его, когда тот уже сидел в своем «BMW», и пытался попасть ключом в зажигание.

– Ну вы, братцы, и уроды. Зачем собираться, если вас мир потом не берет? Куда ты крылья собрался расправить? До первого столба?

– Вот и я ему о том говорю. Совсем же пьяный! – подал голос сторож автостоянки. Все это время, он, оказывается, топтался рядом, сильно нервничая. – Да он и не выедет. Помнет еще всех, кто рядом. А кому отвечать?

– Заткнись, чмо! – вскинул от руля голову Юлий Петрович, и сторож обиженно отступил, затягиваясь сигаретой, бормоча тихие угрозы вызвать себе в помощь подкрепление.

– Достал ты меня! – Мишка решительно выволок Юлия Петровича из машины, отобрал ключи, сунул их ему в карман пиджака, и потащил к своей «Ниве». – Поехали, я тебя сам отвезу.

Юлий Петрович запротестовал, но вдруг подчинился. Ему сделалось худо, он обмяк и, уже не сопротивляясь, дал усадить себя на переднее сиденье. Там его сознание моментально поплыло, и уже ничего не запомнилось, ни дорога, ни как Бакланов втаскивал его во двор коттеджа, ни как полуодетая Валечка, брезгливо сторонясь, указывала, куда пристроить тело, которое вдруг на момент ожило, и отфантанировало мексиканской кухней из самого престижного ресторана города. В шесть утра Юлий Петрович проснулся от холода, и перебрался в спальню, которую Леночка тут же демонстративно покинула. Потом он спал, а Мишка в это время уже...

Юлий Петрович медленно скрутил с бутылки пробку, плеснул в стопку и выпил. Только сейчас до него стала доходить та роль, которую он сыграл. Уехай они все вместе на такси, ничего бы не случилось, и Бакланов уже звонил бы ему с ехидными вопросами о самочувствии. Но Мишка не позвонит! Мишка лежит с раздавленной грудной клеткой, и ждет отправки в вечнозеленые сады. А разбейся он не после того, как отвез его домой, а до? Что тогда? А тогда Юлий Петрович, скорее всего, лежал бы в морге на соседнем столе, и ехала бы на опознание Валечка!

Он так явственно представил себя со стороны – обезображенного, похожего на сломанный манекен, что плеснул себе еще водки. Да, если разобраться, его ангел-хранитель в отличие от Мишкиного, в эту ночь был трезвым и уберег. Сидит сейчас, невидимый, где-нибудь поблизости, скалится довольным. И не потому что любит, а потому что без работы не остался! Что бы Валечка, интересно, делала, умри он сегодня ночью? Пробило бы ее горем, или окатило тайной радостью? Очень, оказывается, неудобно жить рядом с женщиной, в которой сомневаешься, как в просроченных консервах!

Запиликал мобильник. Легка на помине! Подробностей, вероятно, захотела.

– Юлик, как ты? Что там Миша?

– Привет тебе шлет! – сорвался Юлий Петрович. – Что за вопрос идиотский?

– Ну не сердись, – неожиданно кротко ответила Валечка. – Я-то ни в чем не виновата!

И точно кипятком плеснула! Слишком уж созвучна с мыслями Юлия Петровича прозвучала эта фраза!

– Я не сержусь, – через силу продолжил разговор Юлий Петрович. – Мишка в морге пока. Мне нужно заниматься подготовкой к похоронам. На работу ему позвонить, знакомым. У меня голова кругом!

– Значит, со мной ты не едешь?

– Куда?

– На турбазу, блин! Там же фестиваль нынче!

Юлий Петрович закрыл глаза и сосчитал до десяти, пока не отступит волна злого раздражения. Этому его научил один психолог, и это иногда помогало.

– Валя, – ровным голосом спросил он жену. – Какой мне сейчас нахер фестиваль?

– Тогда, если тебе не до него, то ничего, если я напомним, что ты на моей машине уехал, а она мне нужна и срочно? Я-то в трауре ходить не собираюсь, хотя Мишу мне жалко. Если ты остаешься, я одна поеду. Вернусь через пару деньков. Ты дома будешь?

Как не был подавлен Юлий Петрович мыслями о Мишке, интонация жены ему не понравилась. Она точно хотела удостовериться, что он останется и не последует за ней. Снова вернулись утренние сомнения.

– Сейчас Сене ключи дам, доставит тебе твою тачку.

Посидев немного после разговора с женой в раздумье, Юлий Петрович кивнул сам себе головой, соглашаясь с принятым решением, набрал Ледея и попросил встречи. Каким-то образом тот был уже в курсе событий.

– Слышал, друган твой разбился. Ты, Юлик, за этим встретиться хочешь? Проблема какая?

– Это не по телефону.

На том конце возникла пауза. Достаточно долгая.

– Ну, подгребай, поговорим.

– Да я накатил уже.... Может, ты подъедешь?

– Ладно, жди, – после некоторого молчания согласился Ледей. – Я все равно по делам в твою сторону скоро.

Вид Ледея, уверенного и готового к решению любых проблем, всегда вызывал у Юлия Петровича успокоение. Сколько лет знал он его, и ни разу не видел, ни грустным, ни растерянным. Догадывался, что это зачастую игра, но предпочитал принимать ее на веру.

Ледей приехал быстро. Юлий Петрович едва успел пропустить пару стопок.

Когда Ледей вошел, Юлий Петрович порывисто шагнул ему навстречу, как к спасению, к защите, и тот принял его, приобнял, ободряюще похлопал по спине.

– Сочувствуй тебе, Юлик! Слышал, корень твой разбился. Как все случилось? Ты за это хотел поговорить?

– Нет. Сейчас. Давай помянем сначала...

Они выпили за упокой Мишкиной души.

– Надгробие советую у Марата заказать в «Реквиеме», – сказал Ледей. – Эта чурка недавно партию бадахшанского мрамора получил. Ушлый черт! Ухитрился вывезти через пограничников военным транспортником! Но теперь все. Лавочку прикроют скоро. Границу сдают, – Ледей усмехнулся и посмотрел на часы. – Я, Юлик, вообще то, спешу. Выкладывай свой головняк.

– За Валькой надо последить, – стараясь смотреть в сторону, сказал Юлий Петрович. Глаза Ледея удивленно округлились, но он промолчал.

– Есть у меня подозрения. Надо их или опровергнуть, или подтвердить. Она сегодня едет на турбазу «Юность». Там шабаш какой-то бардовский.... Хочу знать, с кем она там будет, и как проведет время. У тебя же есть ребята, которым труда не составит попасть, и которые болтать не станут?

– Ты меня, Юлик, конечно, извини, – покачал Ледей головой. – Но я даже не представлял, что ты такой п..страдалец! У тебя друган всмятку лежит, а ты о бабе своей сейчас кручишься!

– Сделаешь? По дружбе? Расходы все, конечно, оплачу. И кабак за мной.

– Ладно. Договорились, – бодро ответил Ледей, с насмешливым прищуром посмотрев на Юлия Петровича.

Глава 5

Ледяй, Ледяй! Он же Леонид Александрович Ледостаев. Легенда городского масштаба. И как всякая легенда туманная и полная домыслов. Его бандитскую биографию Юлий Петрович знал, как никто другой (многие из тех, кто знали лучше, рассосались по разным направлениям, кто в землю, кто на зону), а доведись что рассказать – ничего конкретного на ум и не пришло бы, кроме личных воспоминаний о житие-бытие под ледяевской «крышей» в 90-х, да сплетен о войне с кавказцами, уже основательно подзабытой и мало кому интересной.

«Крыша», надо сказать, была качественной. А все потому, что служил Юлий Петрович и страшный Ледяй вместе в армии, и не где-нибудь, а в стройбате. Один по причине слабого зрения, другой из-за частых приводов в милицию. В роте они были не только земляками, но и единственными, кто правильно ставил ударения в русских словах. Вообще, впечатлений хватило. На этом и сдружились.

– Встречу у себя в городе хоть одного, – сказал как-то Ледяй Юлию. – Убью нахрен!

Думал ли он тогда, насколько пророческими станут эти запальные слова?

После службы Ледяй поступил в СПТУ, хотя мать настойчиво просила испытать счастье в Политехе. Но автокран с перспективой калымов выглядел для Ледяя куда привлекательней! И, самое главное, при училище была великолепная секция бокса, которым Ледяй страстно увлекался еще до армии. Тренер Олег Юрьевич погонял его на лапах, поставил против местного крепыша, и сразу зачислил в группу особо подающих надежды.

Надежды юношей питают. На своих первых областных соревнованиях Ледяй, будучи уже одним из любимых воспитанников Олега Юрьевича, вчистую раскатал по канатам во втором раунде главного претендента на первое место. А потом расслабился, и проиграл подряд два боя середнячкам, лишив себя шанса выйти в призеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.